

Следовательно, данную грамоту, по нашему мнению, нельзя рассматривать как свидетельство существования проний (как особого феодального института) в присоединенных Сербией районах Северной Македонии и других областях Сербии не только в начале XIV в., но и, естественно, даже ранее.

По всей видимости, даже применительно к присоединенным Милутиным районам византийской Македонии можно утверждать, что там число проний значительно уменьшается (если они не исчезают вовсе) вследствие раздачи земель (проний, баштин) греческих феодалов сербскими королями своим вассалам, церкви и монастырям¹⁸. Этот процесс перераспределения земельной собственности, упрощения и приспособления византийской системы землевладения к сербскому аграрному строю, как нам представляется, не дает оснований принять вывод Острогорского, будто на этой территории сербское правительство, обнаружив имения прониаров «и не меняя существующего порядка [вещей], принимает и легализует унаследованную систему византийского землевладения»¹⁹. Известно, что при завоевании королем Милутином Северной Македонии были «прогнаны» те «зломые и лукавые властелины державы греческой», которые находились прежде в этих областях²⁰, и среди них, разумеется, было немало прониаров: Но даже немногочисленные упоминания прежних «прониаров» (лишь в нескольких грамотах Стефана Дечанского и Душана), использованные в книге Острогорского, точно так же не служат свидетельством в пользу тезиса о сербской прониции, как и рассмотренные нами данные грамоты 1300 г.²¹

Более того, не вызывает сомнений и то обстоятельство, что те селения, которые когда-то держали некие прониары (таковы обычно соответствующие формулы, а в грамоте о дарениях Хрели прямо названы «прониары греческие»), преимущественно находились на бывшей византийской территории: в Призренской и Положской областях, а также в районе Струмицы. Иными словами, скудные замечания грамот о прежних владельцах-прониарах, не сопровождающиеся пояснениями об их принадлежности и давности их прав, дают основания и для истолкования их в качестве повторения, подтверждения прежних византийских привилегий, включавших и освобождение церкви и монастырей от вмешательства чиновников и прониаров (наподобие того, как это указано и в грамоте Душана охридскому монастырю Богородицы Перивленты, ок. 1345 г.)²², либо в качестве указания на принадлежность сел и земель византийским прониарам.

В соответствии с этим, на наш взгляд, первым неопровержимым доказательством существования *сербской* прониции как реального компонента феодального строя в державе Неманичей (а не какого-то остатка византийских привилегий и прежних владельческих прав) следует, вероятно, признать только грамоту царя Стефана Душана о земельных пожалованиях Святостефанской (Баньской) обители (1346).

Здесь так же, как и в грамотах первой трети XIV в., речь идет о *бывших* прониях, однако уже, скорее всего, о *сербских* прониарах, вассалах Душана, державших эти селения вплоть до 1346 г., т. е. непосредственно перед актом дарования названных в документе сел Баньскому монастырю.

¹⁸ Ср., например: *Р. Грујић*. Указ. соч., стр. 8—9, 13 (земли Верихи, Апокавка и Леуна, как и названного выше Маноты и Калогоргия).

¹⁹ *Г. Острогорски*. Пронија, стр. 128.

²⁰ *Архиеп. Данило и други*. Животи краљева и архиепископа српских. Загреб, 1866, стр. 109.

²¹ См. *Г. Острогорски*. Пронија, стр. 137—139.

²² *С. Новаковић*. Законски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912, стр. 673; ср. *В. Мошин*. Указ. соч., стр. 151 (о механическом повторении византийских терминов в сербских актах XIV в.).